

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА**

**ДОН КИХОТ
ВЕДЕТ БОЙ**

Драматическая
поэма
в двух частях

Егор Седой — морской офицер, полярный исследователь.

Надя — его жена.

Дон Кихот Ламанчский.

Суворин — хозяин и издатель газеты «Новое время».

Доктор Грейс.

Лейтенант Тресси.

Вдова звездолетчика из XXI века.

Министр двора.

Шансонетка с группой дрессированных юнцов.

Галантейщик.

Мещанин.

Мещанка в голубом.

Декламатор.

Псевдоцыганская певица с хором.

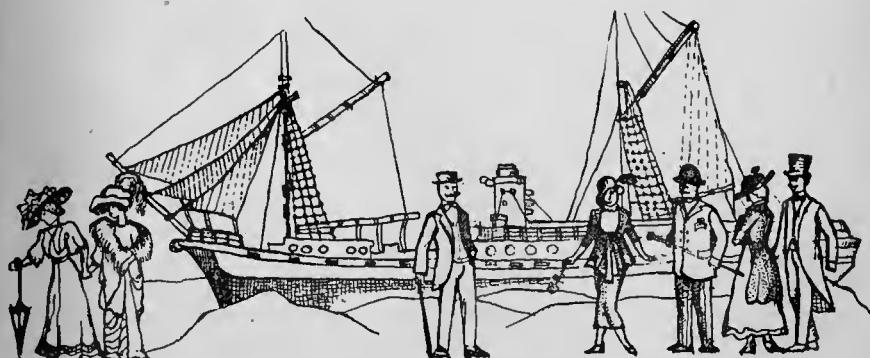
Детина в матросском тельнике.

Четыре разноцветных клоуна.

Серебряный клоун.

Вдовы из «Кафе вдов».

Время действия — 1912 год.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Мне кажется, что все должно происходить так:

Между картиками — короткая вырубка света и звон корабельных склянок.

На сцене не должно быть ничего лишнего, только те детали, которые вовлечены в действие.

Почти концерт. Все условно, кроме характеров, чувств и отношений людей друг с другом.

Никакой общей иллюстративной музыки. Музыка должна возникать только в указанных местах и в указанном характере.

Перед первым появлением на сцене декораций и актеров зрители должны быть оповещены, что это —

Пролог от автора.

Через всю сцену — от кулисы к кулисе — протянулся неестественно длинный стол. Он опирается на множество тяжелых резных ножек.

За столом, на фоне огромной карты северной оконечности России, сидят вицмундиры, увешанные орденами, и фраки с орденскими звездами.

Одни мундиры и фраки, людей в них нет.

Мундиры и фраки застыли в различных позах: некоторые склонились друг к другу, словно перешептываясь, некоторые положили на стол рука — круглые, словно в них руки. На авансцене перед мундиром и фраками стоит морской офицер в форме штабс-капитана по Адмиралтейству.

Офицер. Господа члены Совета министров! Я подавал не личное прошение. Я подал проект первой русской экспедиции к Северному полюсу. Я понимаю, что в таком высоком собрании

не принято говорить о человеческой мечте. Но я прошу меня выслушать, господа.

(Офицер подходит к карте и за спинами мундиров и фраков начинает что-то горячо говорить, водя указкой по карте. Голоса его мы не слышим, потому что вступает голос автора.)

Голос автора. Я хочу рассказать о путешественнике. Он жил в то время, когда умели схватить па лету яркую мысль и превратить ее не в памятник, а в прах. Тогда было много убийц. Иные из них специализировались на том, чтобы убивать человеческую мечту. Если это не удавалось — убивали мечтателя.

Это было время, когда всё называли не своими именами: дурак считался умником и дослуживался до министра; борец за правое дело имелся преступником; друг отечества — врагом его; подлец — приличным человеком; поражение — в устах искусных излагателей — оказывалось победой. А кучка блудолизов, ухватившихся пухлыми, по цепким рукам за подлокотники редакторских кресел, считала себя вправе разглагольствовать от имени народа. Я хочу рассказать о путешественнике. Я придумал путешественнику имя, хотя он существовал на самом деле. Но я не пишу хронологическое исследование. Я не историк, я поэт. Я просто подобрал обломки человеческой души и попытался воссоздать целое так, как оно мне представилось. Это мое право и мой долг.

Я люблю этого человека. Я вместе с ним умирал в ста пятидесяти верстах от его шхуны, во льдах, по дороге к полюсу. Я хочу рассказать о путешественнике...

К середине авторского монолога сцена начинает меняться. Мундиры и фраки уходят в затмение. К концу монолога высвечивается пол. Он идет пандусом и представляет собой карту всей России. На карте стоят весьма ординарные пустые сапоги. Над сапогами, наискось, как бы от плеча к бедру несуществующего щуплого тела, — голубая лента со звездой. Над лентой, как бы надетая на несуществующую голову, —

корона. Вся эта фигура своим «как бы лицом» обращена к стоящему на авансцене тому же офицеру в штабс-капитанских серебряных погонах.

Весной тысяча девятьсот двенадцатого года путешественника принял император.

Офицер. Ваше величество! Я подавал не личное прошение. Я подал проект первой русской экспедиции к Северному полюсу. Мы стоим у истоков двадцатого века, который обещает быть удивительным. Почти все государства ринулись к полюсам нашей планеты. Это не просто спорт, государь. Все таинственное на земле должно стать явным. Открытия — в том числе и географические — будят мысль, а разбуженная мысль творит чудеса. Время требует, чтобы человеческие мечты свершались. Ключ к Северу — это полюс. Но Совет министров отказал мне в той минимальной сумме, которую я просил на свою экспедицию. Комитет общественного содействия собрал еще слишком мало денег, а полярная навигация так коротка. Я умоляю вас, государь...

Голос автора. Но государь перебил путешественника. «Скажите,— спросил он,— там действительно так уж холодно, на Север? А где вам больше нравится: там или тут?..»

Офицер растерян. Из кулис выходит министр ворот во фраке. Он похож на осанистого лакея. Сходство усиливается тем, что через согнутый локоть министра переброшена салфетка, а на растопыренных пальцах руки он держит серебряный поднос. Министр приближается к офицеру, обмахивает крест-накрест салфеткой его грудь, как обмахивают столик, прежде чем накрыть его, и, взяв с подноса маленький орденский крестик, приставляет к груди офицера. Крестик остается на мундире, словно приклеенный.

Министр. Его величеству доложили о ваших блистательных исследованиях устья Колымы и новоземельского побережья. Ваши заслуги перед отечественной наукой несомненны. Но его величество решил, что экспедицию к полюсу не может

возглавить штабс-капитан по Адмиралтейству. Ее должен возглавить истинный моряк.

Офицер. Кто же он?

Министр. Высочайшим указом вы переведены из Адмиралтейства во флот. Позвольте вас поздравить старшим лейтенантом флота его императорского величества. Золотые погоны — личный подарок государя! (*Берет с подноса пару золотых погон, подает их офицеру.*) Затем: его величество не может отменить решение Совета министров, связанное с отказом в государственных затратах на экспедицию. Но из своих личных средств его величество, как истинный патриот, жертвует на нужды экспедиции триста рублей. (*Взяв с подноса три ассигнации, всовывает их в руки офицеру.*)

Офицер. Но помилуйте! Я подавал не личное прошение! Мне нужно семьдесят тысяч, это тот минимум...

Голос автора. Я хочу рассказать о путешественнике, которого я назвал Егор Седой.

Темнота. Склянки бьют один раз.

Картина Первая

Кабинет Седого в Петербурге. Скупой интерьер. Кусок стены в недорогих обоях. Кушетка и подле нее — маленький столик с бутылкой вина, двумя бокалами, стаканом чая и тарелкой, пакрытой салфеткой. Письменный стол. Седой в белой рубашке сидит за письменным столом, щелкает костяшками на больших счетах и делает короткие записи. Пристроившись на кушетке, Надя пришивает к мундиру золотые погоны.

Седой. У Каны было в полюсной партии тридцать восемь собак и тысяча двадцать восемь килограммов груза. Но Каны был полярным крезом! Мне хватит и двадцати собак. Или лучше четырнадцать?

Надя. Думаю, что четырнадцати довольно.

Седой. А может быть, все-таки шестнадцать?

Надя. Да, шестнадцать лучше.

Седой (*покусывая палец, что-то соображает*). Нет, меньше, чем двадцать не обойтись. Ты как думаешь?

Надя. Думаю, что дело кончится одной. Комнатной. Ты научишь ее приносить домашние туфли.

Седой. Однако, мы оптимисты! Поедешь со мной в Архангельск?

Надя. Разумеется. Вот только дошью. Что брать с собой? Зонтик? Шубу?

Седой (*усмехается*). Никакой веры старшему лейтенанту флота его величества! (*Снова углубляется в работу. Между прочим.*) Ты вчера была у Вилькицкого?

Надя. Доложили?

Седой. Угу.

Надя. Надеюсь, не сам Вилькицкий?

Седой. Вилькицкий мой начальник, ему я докладываю. (*Пауза.*) Заметь, я ни о чем не спрашиваю.

Надя. Заметила. (*Пауза.*)

Седой. Я бы на твоем месте сам все рассказал.

Надя. Хорошо, что ты не на моем месте.

Седой. Он что же, говорил обо мне гадости?

Надя. Он назвал тебя Дон Кихотом.

Седой. Однако! Что еще?

Надя. Все.

Седой. Ты только затем и ходила, чтобы услышать, что я Дон Кихот?

Надя. Приятно, когда твои собственные догадки подтверждают такой умный человек, как генерал Вилькицкий.

Седой. В таком случае твой Вилькицкий ветряная мельница: мелет чепуху!

Надя. В таком случае ты и есть Дон Кихот: сражаясь с мельницами.

Седой. Ты что же, думаешь, что у меня ничего не выйдет с этой экспедицией?

Надя. Думаю, что не выйдет.

Седой. Почему ты так спокойно об этом говоришь?

Надя. Я бы волновалась, если б у тебя вышло. А пока ты дома — я могу говорить спокойно.

Седой. Ну и желай господь наградил!

Надя (*перекусывая пирожку*). Красавица и не глупа.

Седой. О характере мы умалчиваем?

Надя. Что и говорить, характер отвратительный. Ну-ка встань!

Седой послушно встает.

(*Надевает на него китель, одергивает со всех сторон.*) Не желаешь ли его благородие посмотреть на себя в зеркало?

Седой. Я лучше на тебя посмотрю.

Надя. Зачем?

Седой. Разве я не имею права?

Надя. За пять лет супружеской жизни ты провел дома сто семьдесят семь дней четыре часа пятнадцать минут — и то не подряд.

Седой. Ты это к чему?

Надя. К тому, что ты действительно имеешь право разглядеть меня наконец как следует. (*Поворачивается перед ним.*) Ну как?

Седой. Ангел, доставшийся грешнику.

Надя. Грешник счастлив?

Седой. Абсолютно. А как ангел?

Надя. Если уж ангел спустился на землю, он хочет жить, как все люди.

Седой. А разве мы живем иначе?

Надя. Конечно. У нас уродливая семья: ни ссор, ни скандалов. На земле так не бывает. Я хочу, чтобы ты мне падоел.

Седой. Что я должен для этого сделать?

Надя. Побывать дома хотя бы год. Мы обязательно должны раз в неделю ненавидеть друг друга и тщательно скрывать это от друзей и знакомых. Но друзья и знакомые должны это замечать. Женщины будут смотреть на меня сочувственно, а мужчины, когда вы останетесь одни, постараются не заводить

разговор о твоих семейных исурядцах. Но будут это делать так, чтобы ты смог оценить их деликатность. Твое постоянное присутствие начнет меня раздражать, и я едва-едва смогу дождаться, когда ты уедешь в следующую экспедицию.

Седой. И для этого нужен год?

Надя утвердительно кивает.

Ну, а месяца за два мы не сможем создать такую идеальную семью?

Надя. Боюсь, что нет. Я не успею к тебе привыкнуть. Через два месяца я опять по почам стану скучить в подушку и считать секунды до твоего возвращения. А если ты в срок не вернешься — я начну биться головой об стеклу. Кстати, неплохо бы в спальню повесить на стену ковер, а то в прошлый раз я набила себе шишку.

Седой. Покажи.

Надя. Уже сравнялось. Но шишка была, честное слово. (*Показывает кулак.*) Вот такая.

Седой. Мда.

Надя. Я бы таким, как ты, вообще запретила жениться. Мы ведь с тобой едва знакомы. Когда ты возвращаешься — я чувствую себя Колумбом. Я пускаюсь в плавание, чтобы открыть тебя. Но каждый раз не успевала.

Седой. Что ж тут открывать? Вот он я.

Надя. А что у тебя внутри?

Седой. Стрелка.

Надя. Стрелка?

Седой. Да. Там, на Севере, меня вечно тянет сюда, к тебе, к зеленой лампе, книгам. А здесь — словно внутри магнитная стрелка: некоторое время она колеблется, а потом устремляется в одном направлении — туда. И я уже ничего не могу с собой поделать.

Надя. Может быть, обратиться к какому-нибудь знаменитому хирургу, чтобы он тебе вырезал эту стрелку?

Седой. Ни у одного хирурга нет такого длинного скальпеля. Я ведь тебе не обещал покоя.

Надя. Я помню все, что ты говорил: вечно беспокойство! Вечные льды! Бриги, пихуны, айсберги, северное сияние! Просто нельзя было не пойти за человека, который знает столько красивых слов.

Седой. Я не виноват, что все слова, связанные с моей профессией, звучат красиво.

Надя. Виноват.

Седой. Для меня бриг — судно с определенной оснасткой, и я вовсе не хочу вызывать этим словом призрак «Летучего голландца». А северное сияние действительно прекрасно. Что ты так на меня смотришь?

Надя. Я тебе уже сказала: хочу тебя открыть. Мне все кажется, что вот-вот в тебе откроется то, главное. Я встану и крикну: «Егор! Земля!..» Я даже не знаю, что у тебя было в детстве.

Седой. Клоун.

Надя. Клоун? Игрушечный?

Седой. Нет, живой.

Надя. У тебя был живой клоун? А что ты с ним делал?

Седой. Это было в Таганроге, в цирке. Давали утреннее благотворительное представление. Внизу, на манеже, четыре разноцветных клоуна дули в плоские карточные трубы, и они играли, как настоящие. А паверху по канату шел серебряный клоун. Не было сетки, не было лонжи, а он шел. Мне он показался слепленным из серебристых льдинок. Он был не просто ловок, он был храбр, отчаянно храбр. Мы знали, что за это представление никто из артистов не получит денег. А он шел, так вот, без всякой страховки, балансировал на шестом, словно опирался им о воздух. Зачем? Чтобы у нас, у мальчишек, перехватило дыхание?

Надя. Ну?

Седой. У меня оно и перехватило. На всю жизнь. Когда я попадаю в безвыходное положение, передо мной возникает этот клоун. Он словно приглашает меня пройти за канату, так вот, просто, без всякой страховки. Тогда я делаю отчаянный шаг. И, как правило, это бывает верный шаг.

Надя. Господи! Разве ты мне надоешь за два месяца? Определенно, у нас с тобой не получится нормальной человеческой семьи. А что у тебя еще там, внутри?

Седой (*усмехается*). Ты. Не знаю, удобно ли тебе там, но ты там есть.

Надя. Очень неудобно. Мне там досталось слишком мало места, и я не могу вытянуть ноги.

Седой. Ну нет! Ты там расположилась широко, со всеми удобствами. Это я просто из вежливости спросил, удобно ли тебе там.

Надя. Вот видишь, я узнала наконец, что ты вежливый. Значит, уже показался маленький мыс. Скоро откроется вся земля.

Седой. Чтобы открыть землю, надо переплыть океан. А ты хочешь, чтоб земля сама приплыла к тебе: вот я, открывайте!

Надя. Отчаянно, чертовски, дьявольски хочу!

Седой. Ого!

Надя. Да, я умею ругаться.

Седой. Что ты еще умеешь?

Надя. Шить, стирать, подметать пол, топить печи так, чтоб дрова трещали, примерять шляпки, скучить в подушку, торговаться на рынке, быть терпеливой, пока не копчится терпение, ждать, читать романы, браниться с портнихой, играть па рояле, улыбаться на людях, когда не хочется улыбаться, писать письма мужу, которые некуда отправлять. Может быть, для первого знакомства довольно?

Седой. Вполне.

Надя. Ну, как я тебе?

Седой. По-прежнему.

Надя. Нравлюсь.

Седой. Отчаянно, чертовски, дьявольски.

Надя. И ты меня уже открыл.

Седой. Полагаю, что да.

Надя. Я для тебя — вся как на ладони.

Седой. Ты к чему клонишь?

Надя. Ты же сам сказал: чтобы открыть землю, надо переплыть океан.

Седой. За сто восемьдесят семь дней четыре часа...

Надя (*подсказывает*). Пятьнадцать минут.

Седой. Да, пятьнадцать минут вполне можно переплыть океан и открыть такую землю, как ты.

Надя. Открыть в бинокль и проплыть дальше. И даже не попытаться изучить ее. Или, думаешь, этим должны заняться другие?

Седой. Я тебе дам — другие! Я открыл чудесную солнечную землю. И я ее изучаю.

Надя. Что-то незаметно.

Седой. Земля и не должна замечать, что ее изучают. Я это делаю исподволь.

Надя. Ну и как?

Седой. Я же тебе сказал: прекрасная земля.

Надя. Это открытая, запесенная на карту и брошенная земля. Ты даже не знаешь, есть ли на ней вулканы.

Седой. Знаю: нет.

Надя. Эта земля богата вулканами. Только они пока бездействуют.

Седой. Ты предупредишь, когда они начнут действовать?

Надя. Чтобы ты смог спастись бегством? Но вулканы начинают действовать неожиданно.

Седой. Хорошо, я всегда буду наготове.

Надя. А если ты открыл мираж? Если этой земли нет на самом деле?

Седой. Как же нет? Вот она! Даже можно потрогать.

Надя. Потрогать действительно можно. Просто я думаю, что ты меня вообразил другой, чем я есть на самом деле.

Седой. Это как же так?

Надя. Очень просто, как Дон Кихот. Он тоже вообразил себе Дульсинею. А ей ни к чему были все его подвиги и все его рыцарство. Она была нормальная деревенская баба. Ей хотелось рожать детей, и главное, что ее беспокоило в жизни, — это чтоб не подгорела луковая подливка. Но он упорно сражался с ветряными мельницами!

Седой. А при чем тут я?

Надя. Не надо со мной говорить о толщаже судов, о запасах угля, о собаках и о том, как важно для человечества открыть Северный полюс.

Седой. А о чём же? О луковой подливке?

Надя. Тебе не приходило в голову, что со мной можно поговорить и о любви?

Седой. Надя, я тебя очень люблю.

Пауза.

Надя. Повтори, пожалуйста.

Седой. Надя, я тебя очень люблю.

Надя. А громче можно?

Седой (кричит). Надя, я тебя очень люблю!

Надя. Когда ты мне сунул на палец кольцо и потащил венчаться, ты буркнул эти самые слова?

Седой. Да, а что?

Надя. Нет, ничего. Просто я их впервые услышала сейчас.

Седой. Разве?

Надя. Бразумительно ты сказал тогда одно: не надо отпускать извозчика — через полтора часа поезд в Архангельск, мы должны успеть. И что-то еще буркнул. Наверное, это... ну...

Седой. «Надя, я тебя очень люблю»?

Надя. А можно еще раз? Только торжественно, так, чтобы встать и выпить вина.

Седой. Надя, я тебя люблю.

Надя. А где «очень»?

Седой. Очень.

Надя. Наливай!

Седой наливает в бокалы вино. Надя встает. Чокнувшись, пьют. Надя снова садится. Седой ходит по комнате с бокалом, искоса поглядывая на Надю.

Изучаешь?

Седой утвердительно кивает.

Исподволь?

Седой. Кто-то, кажется Норденшельд... или Шеклтон... сказал, что люди, посвятившие себя полярным странствиям, должны выбирать не жен, а вдов. Мне кажется...

(Не успевает договорить. Вскочив, Надя два раза бьет его по щекам. Седой ошеломленно на нее смотрит.)

Вулканы действительно начинают действовать неожиданно.

Надя. Это не тебе. Это (показывает на одну его щеку) — Норденшельду, а это (показывает на другую) — Шеклтону.

Седой (усмехается). Значит, я был просто свидетелем.

Надя. Тебе подогреть чай?

Седой. Нет. Я люблю чуть теплый.

Надя идет к двери.

Надя!

Надя (останавливается). Что?

Седой. Тебе следует заняться делом.

Надя. Разве я бездельничаю? Когда ты дома — я жду, что вот-вот ты уедешь; когда тебя нет — я жду, что вот-вот ты вернешься. Это очень нелегкое дело — все время ждать.

Седой. Я не о том. Просто, чтоб твои ожидания не были так томительны, тебе надо чем-то заняться всерьез. Ну... изучи персидский язык. А? Будешь читать Хайама в подлиннике! Это не всякому дано! Только не разбрасывайся, память себе цель иди к ней.

Надя что-то сует ему в руку.

Что это?

Надя. Двадцать копеек. За вход на лекцию «О пользе труда для замужних женщин». (Садится, чинно сложив на коленях руки.) Ну, где лекция?

Седой. Лекция не состоится.

Надя. Почему?

Седой. Из-за теоретической неподготовленности слушателей.

Надя. Скажи, Совет министров тебе окончательно отказал в деньгах на экспедицию?

Седой. Ты же знаешь.

Надя. И он не пересмотрит это решение?

Седой. Ты что, хочешь, чтобы я взвыл?

Надя (*встает*). Ладно. Считай своих мифических собак, Дон Кихот несчастный! (*Уходит*.)

Седой садится за стол, углубляется в работу. Потом бросает перо, встает. На стену падает его длинная тень.

Седой (*с недоумением и досадой*). Ну почему Дон Кихот?!

И вдруг в тени Седого возникает фигура Дон Кихота. Он отделяется от стены. Его латы повторяют рисунок обоев. Дон Кихот осторожно покашливает в кулак, чтобы обратить на себя внимание.

(Оборачивается, смотрит на Дон Кихота и, не выказав никакого удивления, начинает шагать по комнате.) А ты пичего... симпатичный.

Дон Кихот. Таким ты меня вообразил. (*Снимает шлем, смотрится в него*.) Я действительно недурен. Благодарю тебя за это, мой друг!

Седой (*фыркнув*). Ну и фигура!

Дон Кихот. Ты не прав! Каждый меня воображает по-своему, но на сей раз я доволен.

Седой (*не без иронии*). Не хочешь ли чаю, о рыцарь? Ах, да! Ты ведь воображаемый!

Дон Кихот (*поспешно*). Нет-нет! Если ты вообразишь, что я выпил этот стакан чаю, я буду тебе очень признателен.

Седой. Прошу.

Дон Кихот. Благодарю тебя. (*Берет обеими руками стакан*.)

Седой. Может быть, подогреть?

Дон Кихот. Нет, я люблю чуть теплый. (*Отхлебывает из стакана*.) Скажи, как мне величать тебя? Ты — гидальго?

Седой. Да нет, скорее я из рода Санчо Пансы.

Дон Кихот. О! Значит, человечество на верном пути, если Санчо Пансы становятся Дон Кихотами.

Седой. Если ты еще раз назовешь меня Дон Кихотом, я запущу в тебя этим пресс-папье.

Дон Кихот (*сочувственно*). Что, первы?.. Но ты действительно Дон Кихот, если собираешься запустить этим тяжелым предметом в воображаемого рыцаря.

Седой устало опускается в кресло спиной к Дон Кихоту.

(Сияя салфетку с тарелки на маленьком столике, нетерпеливо поводит над ней пальцами.) Скажи, ты не смог бы вообразить, что я съел этот бисквит?

Седой. Пожалуйста.

Дон Кихот. Благодарю тебя. Ужин странствующего рыцаря редок и скуден. Ты это должен знать по себе.

Седой. Да. Когда я странствую, ужин действительно бывает редок и скуден.

Дон Кихот. Вот видишь!

Седой. Но это еще не основание считать меня Дон Кихотом. Мой проект экспедиции к полюсу абсолютно реален. Я не Дон Кихот!

Дон Кихот. Почему ты думаешь, что быть Дон Кихотом зарано?

Седой. Потому, что так называют бесплодных мечтателей.

Дон Кихот (*уśmieхается*). Разве ты мечтаешь бесплодно? Мечта о полюсе уже припесла тебе золотые погоны.

Седой (*оживившись*). Конечно! Просто я не Дон Кихот, вот и все. Я не воображаю, что окружены злыми волшебниками.

Дон Кихот. Злые волшебники!.. Зло умело и умеет творить чудеса. Чудеса несправедливости. Этих волшебников и на твой век хватит.

Седой. Этих — да.

Дон Кихот. А других и не было. У меня уж не такое большое воображение, как принято об этом думать. Я просто ненавидел делателей зла. Ненавидел до бешенства, до ослепления, до белых зрачков! Я их готов был увидеть в камне, брошенном поперек дороги, потому что об этот камень спотыкались люди. И я кидался на этот камень. Так возникла легенда о том, что я сражаюсь с мельницами.

Седой. Но ты с ними действительно сражался.

Дон Кихот. А разве ты с ними не сражаешься? Мельницы стоят наперек всякого доброго дела. Они даже посят человеческие имена, потому что притворяются людьми. Но на самом деле они — мельницы. Дон Кихоты всегда точно знают, какой человек — человек, а какой — мельница.

Седой. Наверное, я их пока не очень различаю. Я просто не могу попять людей, которые сознательно делают зло.

Дон Кихот. Что ты! Они убеждены, что стоят на страже добра. Для них злом является все то, что не в силах переварить их головы. Они придумали себе нормы жизни, и, если ты в них не укладываешься, — ты зло и надо встать на твоем пути.

Седой. Но должно же быть у них сердце! Ведь кое-что можно понять и сердцем.

Дон Кихот. Они — мельницы. У них не сердце, у них жернова. Ты бросаешь им яркую мысль, а они мгновенно перемалывают ее на чепуху и кричат, что этой чепухой серьезные люди не должны заниматься.

Седой. Зачем ты здесь?

Дон Кихот. Чтобы посвятить тебя в Дон Кихоты.

Седой. Но ты считаешь, что я уже Дон Кихот. Для чего же посвящать?

Дон Кихот. Для порядка. Я должен возложить меч на твое плечо и трижды сказать: посвящаю тебя в рыцари без страха и упрека! Но, к сожалению, ты не вообразил, что у меня в руках меч.

Седой. Что же будем делать?

Дон Кихот. Я возложу на твое плечо руку в рыцарской перчатке. (Встает, торжественно поднимает руку. И вдруг рука его, сделав плавное движение, упирается в бок, вторая рука заносится над головой, и, подпрыгнув, Дон Кихот начинает плясать, нелепо задирая ноги.) Что это?!.. Зачем ты вообразил, что я пляшу?!.. Сейчас же прекрати!.. (Носится в пляске вокруг Седого.) Это пестострой!.. В моих лётах!.. В моих латах!..

Я же похож на пляшущую печную трубу!..

Седой (с жалостью смотрит на него). Неужели и я бываю так же смешон?

Дон Кихот. Конечно!.. (Безуспешно хватает себя за ноги, которые сами выделяют коленца.) Конечно!.. Ты приходишь к людям с мечтой, а иным кажется, что ты пляшешь нелепый танец... в лучшем случае они на тебя смотрят с жалостью... Не уподобляйся им, ты сам Дон Кихот!.. (Пускаясь вприсядку, с ужасом глядит на свои ноги.) А это еще что такое?.. (С звуком растягивания на полу.)

Седой. Ну ладно, вставай.

Помогает ему подняться. Но, не успев еще как следует встать, Дон Кихот с неожиданным проворством хватает Седого за плечо.

Дон Кихот (скороговоркой). Посвящаю тебя в рыцари без страха и упрека, посвящаю тебя в рыцари без страха и упрека, посвящаю тебя в рыцари без страха и упрека!

Седой. А ты, однако, формалист.

Дон Кихот. Что делать! Три века живу, три века учусь. В наше время это называлось обрядом. Только не воображай, что я тут же исчез. Дай мне отдохнуться.

Седой. Хорошо.

Дон Кихот. Ты напрасно сопротивлялся. Мой меч лежал на плечах Джордано布鲁но и Леонардо да Винчи, Луи Пастера и Паганини. Все они до конца ощущали его тяжесть: они ничего не сумели взять для себя от жизни, они только давали. И все они открыли людям неведомое.

Седой (задумчиво). Полюс тоже еще неведомое. Я ведь ни в коем не бросаю бомбу, я просто хочу открыть полюс. Почему же я уперся в стену?

Дон Кихот. Потому, что сегодня вы открываете мир, а завтра начнете его изменять. А мельницы не хотят никаких изменений: сегодня они выше других. И они очень боятся «завтра».

Седой. А люди?

Дон Кихот. Смелая мечта таит в себе красоту, а люди тянутся к красоте. Но люди всегда опаздывают за своими Дон Кихотами. Ты им сегодня подаришь подвиг всей твоей жизни, и

они его возьмут с благодарностью. Но только завтра. В этом — главная тяжесть моего посвящения.

Седой. Да, я понимаю.

Дон Кихот. И не жалеешь, что ты такой?

Седой. Нет.

Дон Кихот. Жаль, что теперь рыцари странствуют без лат. Им большее странствовать: ведь они всегда готовы принять удары на себя. Но они идут, несмотря ни на что. А знаешь почему?

Седой. Почему?

Дон Кихот. Они знают великую истину странствующих рыцарей: дорогу может осилить только идущий!

Пауза.

Седой. Спасибо.

Дон Кихот (*поднимает голову, прислушивается*). Кто это?

Седой. Моя жена. Что, если она тебя увидит?

Дон Кихот. Меня видишь только ты. Но на всякий случай теперь можешь вообразить, что я исчез.

Седой. Да, пожалуйста.

Дон Кихот подходит к стене и исчезает, слившись с обоями. Седой сидит, задумчиво глядя на то место в стене, где скрылся Дон Кихот. Входит Надя с газетой в руках.

Надя. Егор!

Седой не отзывается.

Егор!

Седой (*очнувшись*). Что?

Надя. Почему ты уставился в степу?

Седой. Отошел кусок обоев. Надо подкленть.

Надя (*показывая газету*). Ты что, выписал «Новое время»?

Седой. Нет. Откуда она?

Надя. Принес рассыльный. (*Подозрительно смотрит на Седого.*)
Что в ней?

Седой. Газета не бессловесная тварь. Дай-ка. (*Протягивает руку за газетой*.)

Но Надя сама торопливо начинает ее листать.

Надя. Где это?

Седой. Что?

Надя. То, ради чего тебе ее прислали.

Седой (*явно скрывая волнение*). На первой странице ничего нет?

Надя (*тоже волнуясь, но скрывая это*). Число... девятнадцатое марта тысяча девятьсот двенадцатого года.

Седой. Ага! Наверное, ее прислали, чтобы напомнить, какой сегодня день. Что еще?

Надя (*торопливо пробегая глазами страницу*). Вот... «почили в бозе протоиерей Иоанн Херсонский и тайный советник Штукенберг...».

Седой. Часом, это не твои родственники?

Надя. Егор, не шути. Все-таки люди умерли.

Седой. Что еще?

Надя. «Любимейшая публикой балетная артистка императорских театров И. Ф. Кшесинская даст концерт... а также московская цыганка Настя Полякова... Открылся русско-французский коммерческий банк с основным капиталом в пять миллионов рублей...».

Седой. Ого! Вот бы кусочек!

Надя. «Кинематограф «Унион»... драма из парижской студенческой жизни «Бешеные ночи на Монмартре».

Седой. Бог с ними, пусть бесятся.

Надя. Уже в самом низу... «Донской земельный банк доводит до сведения господ акционеров, что выдача дивиденда за тысячу девятьсот одиннадцатый год в размере сорока рублей...».

Седой. Все равно мало. Переворачивай. Что там?

Надя. Фельетон господина Меньшикова. На всю страницу. (*Листает*.) «Второй питенантский процесс... Фирма «Тиль» за двадцать пять лет израсходовала на взятки около двадцати миллионов рублей...».

Седой. Двадцать раз могли бы открыть полюс. Дальше.
Надя. «Молодая симпатичная девица ищет места по хозяйству к одному, имеет рекомендации, согласна в отъезд»... Будем считать, что у нас место занято?

Седой. Будем считать, что занято. Дальше.

Надя. Вот... (Глотнув воздух, читает.) «Мои плавания в Северном океане убедили меня в том, что более скромные экспедиции всегда имеют более шансов на успех... Народ должен почтить это дело своим и принести на него небольшие деньги, я же приношу свою жизнь... Старший лейтенант флота Е. Седой»... (Опустив газету, молчит.)

Седой. Ну? Что скажешь?

Надя. Егор, ты попрошайничашь?

Седой. У народа не попрошайничают, а просят.

Надя. Ты хоть знаешь, кто издатель этой газеты?

Седой. Да. Суворин.

Надя. Ты с ним знаком?

Седой. Нет. Но завтра увижуся.

Надя. Что это значит?

Седой. Это значит, что Дон Кихот ведет бой.

Темнота. Скланки бьют два раза.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет Суворина в «Новом времени». Стоя за большим столом, Суворин делает пометки в распластанном на столе макете.

Входит Седой.

Седой. Позвольте?

Суворин. Входите, лейтенант. Извините, буду записаться ма-
кетом и вами.

Седой. Я, собственно...

Суворин (перебивает). Откуда предполагаете начать движение непосредственно к полюсу?

Седой. С восемьдесят третьего градуса. С Земли Петермана.

Суворин. Можете свободно располагать векселями «Нового времени». Поезжайте в Архангельск. Там найдете зверопромышленника Дикого, владельца шхуны «Святой Николай». Я с Диким уже сторговался, «Святой Николай» наш. Разумеется, в смысле фрахта. Но фрахт двухгодичный. Два года вам хватит?

Седой. Вполне. Как я смогу вас отблагодарить?

Суворин (усмехается). Отблагодарить?.. (Отходит от стола, берет ящичек с сигарами, протягивает Седому.) Сигару?

Седой отрицательно качает головой.

(Закуривает сигару, пускает колечки дыма.) Зря! Иные курят сигару, как папиреску: затягиваясь. А сигару надо курить попыхивая, так, чтобы жаром от горящего конца чуть-чуть стягивало ноздри. Кстати, Земли Петермана не существует на свете. (Берет со стола книгу, протягивает Седому.) Отчет неудавшейся экспедиции к полюсу герцога Аб布鲁цкого, только что вышедший в Лейпциге. Эчеленца тоже хотел идти с восемьдесят третьего градуса, где значилась Земля Петермана. Но ее не оказалось.

Седой (взвешивая книгу на ладони, смотрит на Суворина). Однако!

Суворин. Интересуюсь. Жизнь — ваша, а векселя все-таки — мои.

Седой. Я знаю эту книгу. У меня есть вариант отправки полюсной партии с восемьдесят первого градуса, с Земли кронпринца Рудольфа. Но я не очень верю герцогу Аб布鲁цкому.

Суворин. Что с восемьдесят третьего, что с восемьдесят первого — все равно свыше полутора тысяч верст пешего хода. Сумеете?

Седой. При хорошем снаряжении и крепких собаках...

Суворин. Вы — игрок?

Седой. Нет.

Суворин. Дворянин?

Седой. Из крестьян.

Суворин. Значит, все своими руками? (Киваает на погоны Седого.)

Седой. Нет, почему же. Кое-что и головой.

Суворин. И вам не жаль этой самой вашей головы?

Седой. Как правило, я ее не теряю.

Суворин. Вы должны извинить мое любопытство.

Седой. Я понимаю. Жизнь — моя, а векселя все-таки — ваши.

Суворин. Ну, зачем же так! Просто я впервые встречаюсь с человеком, о котором ходят легенды такого рода.

Седой. Какого рода?

Суворин. Вы возглавляли самые рискованные северные экспедиции последних лет.

Седой. Самые рискованные — это громко сказано. Но риск был, и немалый.

Суворин. Скромность?

Седой. Нет. Я люблю получать то, что мне причитается, не больше. Но и не меньше.

Суворин. Нынче мода на полюс. Нации и страны перебесились. Каждая хочет стянуть с земной макушки ледяной колпачок и примерить на себя, словно шляпку нового фасона. И при этом рассуждают, как истинные модницы: главное, чтоб такой шляпки не оказалось у других. Правда, пока это шляпка-невидимка.

Седой. Бойтесь за свои деньги? Но даже если я не достигну полюса, вы получите гидрографические материалы такой ценности, что с лихвой покроете все ваши расходы.

Суворин (поморщившись). Я не о том! Поверьте, мной руководят только патриотические чувства. Но мне вовсе не хочется субсидировать гибель такого человека, как вы. История мне этого не простит. Да и сам я себе этого никогда не прощу.

Седой. Будете ворочаться по почам?

Суворин. Просто я по природе своей гуманист. Мне глубоко несимпатична тенденция человечества создавать себе героев: герои, как правило, гибнут. Вот вы тоже готовы расстаться с

жизнью, чтобы сделать людям доброе дело — открыть полюс. А я считаю, что добрые дела надо совершать, не разбивая себе голову. Я могу с вами запросто? Без дипломатий?

Седой. Да, разумеется. Вы же в некотором роде... хозяин.

Суворин. Какой бы ваш полюс ни был — лед на нем точно такой же, как и везде.

Седой. Как раз этого никто не знает. Возможно, что химический анализ...

Суворин (перебивает). Я не Менделеев. Меня интересует не химический анализ, а видимость.

Седой. Видимость льда, очевидно, такая же.

Суворин. Не понимаете?

Седой. Я не индийский фокусник, мыслей на расстоянии читать не умею.

Суворин. Хорошо. Но считайте, что это мысль, которая вам самому пришла в голову.

Седой. А вас даже рядом не было?

Суворин. Разумеется.

Седой. Ну-ну?

Суворин. Человеку свойственно относиться к себе бережливо и с жалостью. Все иные отношения к себе хоть и романтичны, но противоестественны. (Пауза.)

Седой. Да. Я слушаю.

Суворин. По вашем возвращении мне не нужны научные изыскания экспедиции. Да, полагаю, они сейчас в России никому не нужны. Мне важен новый подвиг землепроходца, так сказать, для поднятия русского национального духа. А для этого необходимы две вещи — всероссийский шум перед походом и его результаты в виде фотографии: русский офицер у андреевского флага на Северном полюсе. Все. Под эту фотографию вы и получаете векселя.

Седой. Хорошо. Если я достигну полюса, фотография будет. Она действительно нужна как документ.

Суворин. Вы меня не поняли. Чтобы сфотографироваться, вовсе не следует волочить свое бренное тело полторы тысячи верст по льдам океана. Можно пройти двести. Для приличия. И во-

ткнуть флаг в первую попавшуюся глыбу. Возьмите с собой матросов поглупее, это не проблема, таких у нас — хоть отбавляй. Им вы объясните, что это и есть Северный полюс. Кто вас сможет проверить? Теперь даже я не буду знать, действительно вы достигли полюса или это ловкая мистификация. Как мысль?

Седой. Есть мысли-великаны, а есть мысли-карлики. Ваша — уродливый и злой карлик.

Суворин. Тсс! (Подносит палец к губам.) Мы же договорились: меня и рядом не было. Просто по возвращении экспедиции я смогу догадаться об этой... вашей тайной мысли. И высказать свою догадку вслух. Даже не печатно.

Седой. Спасибо, что предупредили. Буду стараться, чтобы каждый мой шаг имел свидетелей.

Суворин. Доказательство со свидетелями? Но в таком случае пампии героя появляются как бы застрианные пятна.

Седой (с нескрываемым любопытством смотрит на Суворина). Неужели вы такой смолоду?

Суворин. Смолоду? Смолоду, батенька мой, я был революционер. Маркса читал. Я и поныне революционер. Дома, при спущенных шторах. В домашнем халате господин Суворин позволяет себе многое!

Седой. Например?

Суворин. Например,вольно судить об издателе Суворине и его «Новом времени». Да он же националист и черносотенец, этот Суворин! А? Каков мерзавец? В каждый номер — бочку квасного патриотизма! Квас имеет бурый оттенок. Но если квасом плеснуть на бумагу — бумага становится желтой. А как умеет подладиться под обывательские настроения и сделать их еще более обывательскими! Антона Павловича Чехова я принимал только дома. Дома я истинный гражданин.

Седой. Не зайти ли мне к вам домой? Или не приглашаете?

Суворин. Отчего же! Выпьем копьячку. Я всецело буду за вас, но, к сожалению, практически ничем не смогу быть полезен. И отошлю вас в «Новое время» к издателю Суворину. Даже

рекомендательное письмо дам. Дома-то у меня никаких капиталов, чтобы вам помочь. Все мои капиталы здесь. Точнее — один. И наивернейший.

Седой. Что же это за капитал, позвольте узнать?

Суворин. Верноподданничество, милостивый государь. Капитал, который приносит самые удивительные дивиденды. Да не из какого-нибудь Донского земельного банка, а из государственного, Российского.

Седой. Бедный, разрываться изволите. Социалист дома и высокондайдный монархист в своем рабочем кабинете. Да вы же убьете друг друга!

Суворин (усмехается). И не говорите, действительно тяжело. Но вы неточны в одном: я не идеальный монархист.

Седой. Вот как?

Суворин. Я же вам сказал: я — верноподданный. Идеальный монархист? Что вы, что вы! А ну как государь подумает, что его миропомазанная персона не соответствует моим идеальным представлениям о монархии? Да меня же в Петропавловку! И поделом! Нет-нет, я предпочитаю любоваться Петропавловской крепостью со стороны Невы. Удивительной архитектуры здание! И верноподданным любоваться не запрещено. Я — верноподданный каждого государя! Сказал бы мне государь Николай Павлович, что Пушкин-то, а?.. С декабристами одной веревочкой связал. В ссылку его! Я бы сразу статью с логической и страстной концовкой: таким, как сочинитель Пушкин, не место в престольном граде! А сказал бы мне преемник Николая Павловича, Александр Николаевич, ученик Жуковского: что-то, Суворин, ты с Пушкиным напутал. И отец мой, Николай Павлович, не разобрался как должно. Видно, гнев ему глаза застил. Пушкин-то — великий поэт, а что с декабристами дружил, так за дружбу голову не секут! Я бы сразу статью с логической и страстной концовкой: вернуть великого Пушкина любителям изящной словесности! И в собственной типографии — полное собрание сочинений господина Пушкина, да с такими комментариями касательно прошлого царствования, чтобы обыватель задых-

пулся. Пушкину — вечная память и слава, а Суворину — почет.

Седой. А как же с той логической и страстной концовкой: таким, как сочинитель Пушкин, не место в престольном граде?

Суворин. Милостивый государь! Людям свойственно ошибаться.

Но никому не запрещено исправлять ошибки. Вот видите, какой надежный капитал я вам предлагаю для вашей экспедиции к полюсу. (*Не без издевки.*) Да за моей спиной вы смогли бы сфотографироваться у меня на даче, в Териоках. Мужики такой кусок льда из ближнего озера вырубят, какой вы и на полюсе не найдете. Да еще дырочку для российского флага просверлят. И не бойтесь, я своих не продаю. Что-с? Не желаете? Тогда приходите ко мне домой, выпьем коллекционного коньячку, переснем косточки этому господину Суворину из «Нового времени» и разойдемся.

Седой. Эк вас повело! Всю душу распахнули, до самой черноты.

А я-то через вас людям мечту хотел подарить, заразить их соучастием в добром и достойном деле.

Суворин. Мечту? Людям? Да ваша мечта — это золотой червонец! Но червонец-то один, а людей много. Ваш золотой разменяют на мелочь. Каждый схватит себе по грошу и постарается выколотить из него еще грош. Вы станете автором грошовой мечты.

Седой. Я не верю.

Суворин. Не верите?

Седой. Нет.

Суворин. Хорошо же. Я согласен быть вашим Вергилием, и мы сойдем с вами в людские круги, о которых мечтатели забывают в своем интеллектуальном экстазе. Но пеняйте на себя, если они окажутся для вас кругами ада. (*Кричит.*) Эй, люди! Вот вам мечта о полюсе! Великолепная мечта, рожденная чистым сердцем и талантливой головой! Вот она! Хватайте, деритесь, разменивайте на свою грошовую потребу!..

За сценой раздается вой. Начинает работать круг. Он подает эпизод за эпизодом. Выезжает кафешантанная шансонетка, окруженная юнчами во фраках и цилиндрах.

Шансонетка (поэт).

Мой милый мальчик,
Мой храбрый бой,
Возьми на полюс
Меня с собой.
Я и на полюсе
Свое не упущу:
Влюблюсь в медведя
И с него
Семь шкур спущу!

Юнцы.

Ах, милый мальчик,
Наш храбрый Джим,
Как здесь прохладно,
Мы все дрожим!

Шансонетка.

Но я на полюсе
Свое не упущу:
Влюблюсь в медведя
И с него
Семь шкур спущу!
Ха-ха!

В танце скрываются. Выезжает галантейщик. В одной руке он держит лайковые перчатки, в другой — дамский бюстгальтер.

Галантейщик. А вот перчатки «а-ля Егор Седой» и теплые бюстгальтеры «Северный полюс»!.. А вот перчатки «а-ля Егор Седой» и теплые бюстгальтеры «Северный полюс»!.. А вот...

На смену галантейщику появляется громадный детина с багровой мордой, рыжей бородой, в матросском полосатом тельнике. Он пытает здоровьем. Выезжает, держа на плече два костыля. Но, споткнувшись, быстро берет костыли под мышки и начинает петь жалобным хриплым голосом.

Детина.

Мы шли, пробирались на полюс,
Братишки по шестеро в ряд,
Упал мой товарищ родимый,
Упал и лежал, не дыша.
Прощай, моя рдная хата,
Прощай, дорогая жена,
Погиб мой товарищ родимый,
А я перед вами стою!..
Не к вам обращаюсь, дамы, а к вам обращаюсь, господа мужчины! Не на хлеб прошу — хлеба в Рассе довольно,— на водку прошу! Душа горит по безвременно погибшим дружкам из экспедиции его превосходительства славного енера Егора Седого! Раскошливайся, народ честной, и осенью и весной! Подайте инвалиду войны с северными ледовитыми горами!..

И снова появляется галантейщик.

Галантейщик. А вот дамские булавки «а-ля Егор Седой» и простыни для новобрачных «Северный полюс»!.. А вот дамские булавки «а-ля Егор Седой» и простыни для новобрачных «Северный полюс»!.. А вот...

Выезжает ресторанный столик. За столиком — одесский жещанин неопрятного вида и пышная жещанка в шелковом голубом платье.

Он. Мадам, шоб Дюк так жил, если я брешу! Клянусь вам, что сам адмирал Седой мене прислал дэпешу!

Она. Надо же!

Он. Да, мадам! Мене приглашают в Северный Ядовитый океан!

Она. Надо же!

Он. Ядовитым он называется потому, что ужасно вредный и опасный! Мы откроем полюс, мадам! Больше того, мы его захватим!

Она. Надо же!

Он. Знаете, что такое полюс, мадам? Это такая часть света. Голубые песцы там бегают, как дикие звери.

Она. Надо же!

Он. Я вам не вкручиваю, мадам. Я говорю чистую, как слеза ребенка, правду. Шоб Дюк так жил!

Она. Так что ж вы лезете под юбку, нахал!

И снова галантейщик.

Галантейщик. А вот дамские трико «а-ля Егор Седой» и туалетная бумага «Северный полюс»!.. А вот дамские трико «а-ля Егор Седой» и туалетная бумага «Северный полюс»!.. А вот...

Появляется декламатор с бледным высоколобым лицом, нарисованной синевой под глазами и множеством сверкающих перстней на пальцах. Он читает завывая.

Декламатор.

«На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна.

И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим

Одета, как ризой, она...».

(И вдруг лицо декламатора превращается в харю, он сплевывает и, заложив руки в карманы брюк, продолжает.) Один еврей собирался на полюс. Уже смешно! И он говорит своей Сарре: «Собирай скорей чемоданы, а то я опоздаю к поезду»...

Беззвучно шевеля губами, беззвучно ходя и жестикулируя, декламатор уезжает. На беззвучный рассказ декламатора напльвает буйный звон гитар. На круге — псевдоцыганская певица с хором.

Певица.

Эх, кони, канэ,

Кони — шеи кольцами,

Туманы — туманэ,

Сбруя с колокольцами.

Ветер, яро свищи,

Вей снег до полса,
От «Яра» ямщик
Домчит до полюса!

Хор.

От «Яра» — эх, да ямщик! —
Эх, да домчит до полюса!
Эх, раз, еще раз,
Еще много-много раз,
Эх, раз, еще раз,
Еще много-много раз.
Чавэлы!..

И опять — галант ерещик. В одной руке он держит кипу галстуков дикой расцветки, в другой — розовые кальсоны.

Галант ерещик. А вот модные галстуки «а-ля Егор Седой» и чистошерстяные кальсоны «Северный полюс»!.. А вот... (*Выкрикивая, уезжает.*)

Суворин. Теперь вы понимаете, что таких и обмануть не грех. Даже если обман со временем раскроется, они будут аплодировать вашей ловкости и с восторгом подсчитывать, какой куш вы сорвали. Неужели вы им подарите душу и истиллю рыцарский подвиг?

Седой. Вы действительно умеете вываливать в грязи все человеческое.

Суворин. Это не я, это — жизнь. Я просто хочу стащить вас с небес на землю.

Седой. Вы — завистник.

Суворин. Я?!

Седой. Да. Вы готовы спровоцировать все человечество на подлость, чтобы никто не оказался выше вас.

Суворин (*усмехается*). И вы в том числе. Но, поверьте, я не вижу причины, по которой мог бы вам завидовать.

Седой. У меня есть мечта — дойти до полюса, оставить честь его открытия за моей страной. Если б я согласился обмануть людей, вы бы успокоились: значит, весь ваш жизненный опыт

верен. Но я не согласился, и теперь вам песпокойно. Для вас катастрофа, что я скорее готов погибнуть за дело, которое почитаю святым, чем сфотографироваться у флага на вашей даче в Териоках. Вам есть чему завидовать!

Суворин. Покойникам не завидую. Даже погибшим за дело, которое они почитают святым. Правда, пишу о них с восторгом. Для таких случаев у меня перо натренировано на патриотический восторг.

Седой. Я бы вас назвал клоупом, если б не боялся обидеть детского воспоминания.

Суворин. А за векселя не боитесь?

Седой. Нет, я вам нужен. И моя экспедиция нужна. Без выгоды для себя вы бы за нее так не схватились.

Суворин. Понимаю. Вы уже распределили роли в трагикомедии, которая называется «Завоевание Северного полюса». Мне явно досталась отрицательная роль. Не так ли?

Седой молчит.

Себя-то вы, разумеется, почитаете автором. А вы никогда не становились на точку зрения отрицательных персонажей? Автор им просто не симпатизирует, поэтому они и отрицательные. Но у них есть свои привязанности, своя трогательность в этих привязанностях. И если бы автор был из их круга, может быть, они и стали бы положительными. У меня тоже есть мечта. Я мечтаю написать книгу, где все отрицательные персонажи мировой литературы стали бы положительными. Для этого только надо встать на их точку зрения. Например, «Отелло» написан Шекспиром с точки зрения Отелло. А если бы написать трагедию с точки зрения Яго? А?.. В том-то и дело, что объективной правды нет. Есть «правда» с той или иной точки зрения, правда симпатий и антипатий автора данной правды. Для меня правда — что вы авантюрист, замысливший утопию овладения полюсом в сугубо личных интересах. А для вас я — мерзавец, который считает вас бескорыстного мореплавателя, авантюристом.

Вот вам две непримиримые правды. И каждая из них — святая! А?..

Седой. Когда я могу выехать в Архангельск?

Суворин. Когда вам будет угодно.

Седой. Честь имею!

И, словно схваченная кистью художника, картина застыла: снисходительный Суворин и прощающийся с ним кивком головы Седой.

Вступает голос автора.

Голос автора. «Честь имею!»... В то время, когда он жил, трудно было иметь честь и достоинство. Еще труднее было сохранить их. Но он записал в своем дневнике слова древних: «Сломай дом, построй корабль, оставь богатство, ищи жизнь!»

Темнота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В темноте склянки бьют три раза.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Две двери, ведущие в офицерские каюты. Между дверьми висит спасательный круг с четкой надписью «Св. Николай». Входит Седой, держа в руках судовые бумаги. Просматривая их, останавливается перед дверьми.

Седой. Добрый день, «Святой Николай»! (Листает бумаги.) О, да ты тоже бегал на Новую Землю, на Шпицберген, ходил горлом Белого моря, застревал у Карских ворот... Держись, старик! Нам с тобой надо совершить нелегкую работу. Ты не возражаешь, если я займусь однушкой из этих кают? Правда, мне всегда поначалу трудно в каютах таких пожилых судов, как ты. У судового дерева твердая память: оно помнит запах табака, в каком-нибудь углу хранит копоть от лампы прежнего хозяина, держит след от старой книжной полки. Ты мне должен рассказать, кого запомнили эти каюты... (Открывает дверь первой каюты.)

На пороге возникает доктор Грейс — аккуратный старичок весьма сухопутного вида. Седой выжидательно на него смотрит.

Грейс (приподняв котелок, представляется). Бывший медведь. Родился в Антверпене восемьдесят четыре года тому назад.

Седой (не без иронии). В зоопарке?

Грейс. Ах, вам нужны подробности? Извольте! Я родился человеком. Был почтовым служащим. Я не сочинил «Алису в

стране чудес», я не изобрел пороха. Однажды в кафе мадам Шольтке ко мне подсели весьма пристойного вида господин. Мы разговорились. Он оказался добрым волшебником. Я не жаловался на жизнь. Я работал на почте и был счастлив. Но он поглядел на меня с сожалением и спросил: «Человечек, хочешь стать человеком? Понять, что такое человек?» «Извольте,— сказал я опрометчиво,— как вам будет угодно! Что для этого нужно?... «О, ровным счетом ничего!» Волшебник щелкнул пальцами — и я стал Бетховеном. Мир для меня пел. Я слышал, как поют скалы, песчинки и деревья. И вдруг я оглох!.. Впрочем, вы, очевидно, знаете мою классическую биографию этого периода. Перед смертью я был абсолютно несчастлив. (Вздыхает.) Я был нищ и мечтал о постоянном жалованье почтового служащего.

Седой. А радость оттого, что вам пели скалы, песчинки и деревья?

Грейс. Меня раздражала моя громадная шевелюра. На одни гребенки, пока я был Бетховеном, я потратил сто одиннадцать талеров! Когда Бетховен умер и я снова стал почтовым служащим, добрый волшебник опять щелкнул пальцами. На этот раз я родился Маратом. Говорят, я был настоящим человеком! Я жил и боролся для людей. Но люди меня зарезали, когда я принимал ванну.

Седой. Но вас называли другом народа!

Грейс (ворчливо). «Другом народа», «другом народа»! Мне опять не повезло с волосами. Они были густые и жесткие. Каждое утро мне приходилось тратиться на гребенки. Я испытал подлинный ужас, когда закрылись все галантерейные лавки Парижа! Короче: не успел я снова облачиться в сюртук почтового служащего, как волшебник в третий раз щелкнул пальцами, и я выдумал порох.

Седой (усмехается). Вы не из тех, кто выдумывает порох.

Грейс. Да. Поэтому я тут же умер от отвратительного чувства ответственности перед людьми. Только я очнулся и собирался надеть почтовый сюртук, как опять появился добрый волшебник. Но я успел схватить его за руку. «Как,— удивился

оп,— я тебе предоставил только три возможности стать человеком, я могу предоставить тебе их бесконечное множество». «Не надо,— сказал я,— не надо. Я уже понял, что такое человек. Человек — это когда ты умираешь в нищете и должен радоваться, что после твоей смерти потные издатели станут миллионерами. Человек — это когда ты думаешь только о людях, а они думают только о том, как бы тебе всадить нож в спину. Человек — это когда ты должен отвечать за то, что ты делаешь. Я не хочу быть человечком. Ведь я могу дослужиться до должности начальника почты и мне придется отвечать за чужие мысли, да еще пересылаемые друг другу в письменном виде. Будьте добры, превратите меня в медведя!» «Ладно,— сказал добрый волшебник,— черт с тобой!» Он сплюнул на землю, щелкнул пальцами ноги, и я стал медведем. Я бродил по лесу и собирая коренья. Я почти ни о чем не думал. У меня была семья: очаровательная, вообще ни о чем не думающая медведица и два прелестных, никогда не задумывающихся медвежонка. Мы жили в полном достатке. Я договорился с некоторыми птицами, что трижды в неделю они будут поставлять нам свое молоко. Но однажды в лес забрел злой волшебник. На мою беду, в этот день он решил совершить один раз в жизни добрий поступок: превратить первого встречного медведя в человека. Первым встречным медведем оказался я. (Вздыхает.) Моя очаровательная, вообще ни о чем не думающая медведица обнюхала меня в моем новом обличье. Объясняться с ней я уже не мог, и она ушла к другому медведю. А я стал смотреть на звезды и заболел звездной болезнью: я решил, что смогу своими силами стать гением и тем самым досадить моей легкомысленной подруге. Видимо, во мне еще сидел микроб моих прежних превращений. Я пошел в Антверпен и выучился на астронома. Когда я окончил курс, я понял, что гением стать очень просто: надо только им родиться. К счастью, я родился мелким служащим. Поэтому я переехал в Тенбесберг и нанялся на судоверф выверять хронометры. Это судно сорок два года тому назад называлось «Гейзер». Я жил в этой каюте полгода и

сделал хронометры безупречными. Эта каюта меня запомнила по моей аккуратности. Сейчас я живу в Амстердаме. Я дожил до сладостной поры, когда мне вообще не надо тратиться на гребенки, поэтому на ночь я позволяю себе стаканчик подогретого портера. (*Приподнимает котелок.*) Ваш покорный слуга, доктор Грейс. Хронометры в порядке, капитан. А не больны ли и вы звездной болезнью, капитан? Каюта свободна, капитан! (*Испадает.*)

Седой захлопывает дверь. Открывает дверь второй каюты. На пороге появляется очень высокий человек в разодранной меховой одежде, в роговых очках. Это — лейтенант Тресси.

Тресси. О-ля-ля! Доброе утро, добрый день, добрый вечер, доброй ночи! К полюсу, капитан?

Седой. Да. У меня на борту ящики с гнилыми консервами. Мне поставили никакие не годных собак. Морское ведомство мне отказалось в радиотелеграфе. Но я иду к полюсу.

Тресси. Я — лейтенант Тресси, капитан! Три года тому назад я арендовал это судно, чтобы попасть в отдаленные районы Арктики. Эта каюта меня запомнила потому, что я постоянно стукался о притолоку. За два месяца плавания мы с притолокой набили друг другу порядочные шишки. Перед тем как сойти на берег, я приколол к притолоке засохший цветок из петлицы. Я сказал: «Мадам, дружба иногда рождается от невольных ударов». Два года тому назад я остался без людей, без собак, без продовольствия. Было шестьдесят два по Цельсию. Я шёл. Когда я четвертый раз споткнулся на ровном месте, я понял: это конец. Лица я уже не чувствовал. Сумка с цennыми гидрографическими исследованиями была приторочена к моему поясу. По моим расчетам, я бы прошел еще шагов двести. Я прошел сто и упал. Встать я уже не мог. Тогда я сорвал с лица фланелевую маску. Фланель была ярко-синего цвета. Я зажал ее в правый кулак, выпустив половину наружу, и выбросил вверх руку, как флагшток. Минут через десять рука уже не сгибалась, и я успокоился: веха, под ко-

торой находилась сумка с исследованиями, была надежной. Два года в тундре стоит нетающий сугроб, увенчанный синим флагжком. Он виден издалека, но пока в этих краях никто не появлялся. Я не прошу вас обнаружить меня, капитан. Вы идете другим курсом. Но всегда держите под рукой яркий лоскут. Лучше шелковый, на нем не задерживается сухой снег. Нашпи труды не должны пропасть. Эти вехи станут большой дорогой. Я теперь не знаю времени, поэтому говорю вам: доброе утро, добрый день, добрый вечер, доброй ночи! Каюта свободна, капитан!.. (*Испадает.*)

Седой снимает фуражку, некоторое время стоит молча перед открытой дверью.

Темнота. Склаки бьют четыре раза.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Номер гостиницы в Архангельске. Лицом к нам — большое, в человеческий рост, зеркало.

Седой и Надя. Некоторое время они стоят молча.

Седой. Ну, вот и все. Почти все. Через час я пришлю катер, приведешь на судно с семьями отезжающих. Тогда уже будет все.

Надя. Ты хоть удобно устроился?

Седой. Да. Я выбрал себе каюту.

Надя. Егор, обними меня. Так... еще крепче... неужели ты можешь уйти от этого? На год, на два, может быть...

Седой. Ну, договаривай.

Надя. Егор, откажись.

Седой (*усмехаясь*). Поздно.

Надя. Пока ты на берегу — ничего не поздно. Ты талантливый, позор забудется, время стирает все... Не отпускай меня! (*Еще теснее к нему прижимается.*) Разве не это счастье?

Разве я не хороша тебе? Разве офицеры не заглядывают на меня так, что у тебя в глазах начинают рычать медведи? Через два часа «Святой Николай» уйдет. Он не может не уйти, Суворин не станет платить неустойку. Я готова тебя чем-нибудь оглушить, чтобы ты на два часа потерял сознание. Ты ни в чем не будешь виноват. Через два часа мы начнем новую жизнь. Егор, не надо! Это смерть, это копец.

Седой (*оторвавшись от нее*). Мне надо идти. Меня ждут люди.

Надя. Ждут люди! А я что же, не человек?

Седой. Ты самый прекрасный, самый удивительный человек на свете. И если ты этого не знаешь, то по чистой скромности. Зато знаю я.

Надя. Егор, не лги.

Седой. Я не лгу. Но мне надо идти.

Надя. Я тебя не пущу.

Седой. Перестань.

Надя. Ты что, будешь драться со мной?

Седой. Я не буду с тобой драться. Сейчас я уйду, а через час ты придешь на корабль.

Надя. Знаешь, зачем я тогда ходила к Вилькицкому? Я валялась у него в ногах, я молила его, чтобы он как-нибудь провалил твою экспедицию.

Седой. Это неправда.

Надя. Нет, это правда. Я готова была расщеловать весь Совет министров, когда они тебе отказали в депъях. Я молилась Богу, чтобы твоя экспедиция не состоялась. А теперь я молю тебя: Егор, останься. Мне двадцать семь лет. Я не хочу быть вдовой.

Седой. Почему ты так уверена, что я не вернусь? Это просто истерика.

Надя. Не обманывай себя. Ты лучше, чем я, знаешь, как спаряжена экспедиция. Суворину надо протрубить о подвиге российского морячка, этакого гой еси Егорушки Седого, ринувшегося в бездны разверстые. Потом Суворин умоет руки, а ты-то действительно — в бездны разверстые...

Седой. Если все будет не так, мы вернемся.

Надя. Это неправда. Ты будешь жевать гнилые консервы и пить тухлую воду, ты ничего не будешь жевать и ничего не будешь пить, но ты не повернешь с полдороги. Я тебя ненавижу за это, но ты не повернешь. Ты будешь идти до конца. До своего конца. Тебе будет легче: мир для тебя просто перестанет существовать. А я?.. Я останусь? Для меня ничего не перестанет существовать? Я должна буду смириться с тем, что то, что было моим мужем, превратилось в пенсионные чеки и портрет на стене?.. Ах да! Прости! Еще портрет в учебнике географии! Миллион учебников географии для гимназистов! Гимназисты будут хватать единицы за то, что спутали даты рождения и смерти Егора Седого. Но зато миллион портретов! Тебя ведет гордыня!

Седой. Меня ведет человеческое достоинство.

Надя. Тебя ведет адское тщеславие!

Седой. Надя, пойми, кто-то должен быть первым. В каждом деле кто-то должен сделать первую работу, положить первый кирпич...

Надя. Почему ты? Я не хочу, чтобы ты был первым. Будь вторым, десятым, но живым! Если бы болезнь, несчастный случай — я бы смирилась. А ты просто не хочешь быть похожим на других. Егор, это слишком дорогая цена, чтобы про тебя говорили: «Он выше Суворина!»

Седой. Да. Выше. Ровно на человеческое достоинство. В каждом человеке живет человек и животное. Суворин вышибнулся из себя человека, он оставил животное. Он его холил и делал его жизнь удобной. А я вышибнулся из себя животное. Я дал ему пинка под зад и оставил в себе только человека. Поэтому Суворин бесится от зависти, поэтому он снарядил экспедицию так, чтобы страдала мое человеческое достоинство. Но я буду жить, дышать, радоваться, огорчаться до тех пор, пока не откажет мое человеческое сердце.

Надя. Боже, какая гордыня!

Седой. Не гордыня, а гордость.

Надя. Ты что, не знаешь? Все, все считают твою экспедицию абсурдной! И это правда! Все не могут ошибаться.

Седой. Все когда-то считали, что земля плоская и стоит на трех китах. Эти все сожгли Джордано布鲁но за то, что он посмел сказать: «Господа, земля круглая и веरтится!» Он сделал простую человеческую работу — открыл истину. Я тоже хочу делать эту человеческую работу.

Надя. Я уже пережила такое. Когда ты пропал на Шпицбергене. В управлении мне сказали, что почти нет никакой надежды. Ночью я воображала, что ты рядом со мной, только дышишь очень тихо. Что стоит мне протянуть руку, и она столкнется с твоей рукой. Но тогда я тебя разбуджу, а тебе рано вставать. И я не протягивала руку. Я засыпала под утро, чтобы встать попозже, когда ты уже уйдешь на службу. Я знала, что ты не придешь к обеду: у тебя дела. Я старалась лечь пораньше и заснуть. Мне спалось, как ты входишь на цыпочках, чтобы меня не разбудить. А ночью я просыпалась и воображала, что ты рядом со мной. Я так прожила год, вполжизни. Я одевалась к театру и сетовала, что ты опять заработался и забыл про билеты. А потом ты вернулся. Ты разве можешь попять, что значит уткнуться в плечо мужу?.. Что значит ночью погладить живую, а не воображаемую руку? Я мечтала, чтобы ты заболел, чтобы лежал в постели неделю, две. Чтобы я могла не отходить от тебя, ухаживать за тобой. Но ты никогда не болел, ты не давал мне возможности ухаживать за тобой. Ты очень сильный, Егор, ты все можешь. Вот и сейчас ты можешь отказаться от этой экспедиции. Ты сильный. Ты справишься со всеми кривотолками. А я тебе помогу, как умею.

Седой. Надя, это пельзя, это невозможно. Ты что же, хочешь, чтобы я превратился в Суворина?

Надя. А почему нет? У тебя положение. Служи, получай чины. Радуйся, что тебя любит красивая женщина. У нас будут дети, дом, будни и воскресенья.

Седой. Это мертвый якорь!

Надя. Сталь как все. Ты думаешь, я тебя перестану уважать? Я буду знать, что в душе ты не такой. Ты думаешь, мало людей, которые в душе не такие? Но они живут, как все.

Седой. Ты мне предлагашь жить во лжи?

Надя. Не обольщайся, Егор. Мир состоит из таких, как Суворин.

Седой. Да, такие никогда не переведутся. Но мир будет жить только потому, что и мы никогда не переведемся.

Надя. «Мы» — это сильные и жестокие?

Седой. Ты просто издергалась и устала.

Надя смотрит на него, отрицательно покачивая головой.

Надя (тихо). Нет, ты не вынырнул из себя животное. Оно в тебе живет. Это оно будет требовать пищи, теплой одежды. Оно будет вести себя точно так же, как твои собаки. И ты его точно так же будешь прикармливать пеммикапом, каждый раз уменьшая норму.

Седой. Я тебе запрещаю об этом думать!

Надя. А потом ты пойдешь с полуспной партией. Ты будешь болен цингой, но скроешь от всех, что болен, чтобы пойти. Сначала подохнут собаки. Они у тебя такие, что долго не выдержат. Потом упадешь ты.

Седой (берет ее за плечи). Надя, не смей!

Надя. Вы будете лежать рядом, и между вами не будет никакой разницы. Ты уже ничем не будешь от них отличаться. И тебя и их сожрут песцы. И не заметят, что в одном случае они сожрали себе подобных, а в другом закусили человеческим достоинством. Суворин! Его идеал — теплый кусок хлеба. А ты будешь давиться пеммикапом и мечтать о теплом куске хлеба. Это будет твой идеал, в котором ты не признаешься. Ты будешь кусать обмороженные пальцы и выть с тоски на северное сияние, а Суворин напишет о тебе книгу, сидя у камина в теплом кресле. (*Неожиданно усмехается.*) «Герой!.. Такие, как ты, — просто морские свинки человечества. На вас человечество ставит опыты. Только свинок загоняют в клетку, и они смотрят испуганными глазами, а вы — свинки с высоким самосознанием. Добровольные свинки! (*Сбрасывает его руки с плеч.*) Иди. Ступай. Для меня ты уже умер...

Седой. Надя...
Надя. Ступай!

Седой выходит.

Надя (некоторое время стоит, прислушиваясь к его шагам. Потом бросается к двери). Егор!.. (Поворачивается спиной к двери, поднимает пальцы к вискам.)
В комнате возникают хаотические обрывки музыкальных фраз, начинаютходить красные круги света.
Надя бредет, натыкаясь на стулья. Подходит к зеркалу. Передней в зеркале возникает женщина в таком же белом платье, так же причесанная.
Механическим жестом Надя поправляет прическу. Но руки у женщины в зеркале неподвижны. Надя отступает от зеркала. Из зеркала выходит женщина.

Кто ты?

Женщина. Я пришла за тобой. Пойдем.
Надя. Куда?..

Женщина поднимает руку. Обрывки музыкальных фраз организуются в негромкую и чуть-чуть странную мелодию. Красные круги света превращаются в чуть-чуть странное освещение.

Женщина.

За синим морем,
За стеклянной горою
Раз в сто лет
Собираются
Вдовы героев.
На перекрестке времен,
На перекрестке веков и ветров
Есть
«Кафе вдов».

Вдовы за вход ничего не платят,
И все они
В белых платьях.

В зеркале начинают мелькать белые фигуры женщин, и через мгновение комната заполняется ими. Женщины разных возрастов и в одежде разных времен. С белым длинным платьем вдовы декабриста соседствует белое платье в линялых цветочках крестьянки времен Великой Отечественной войны и т. д. Женщины стоят печальными группами, чуть-чуть напоминая древнегреческие фрески.

Надя. Это все вдовы?

Женщина. Да. Вдовы героев.

Надя. Значит... я тоже вдова?

Женщина. Да. Твой не вернется.

Надя. Это неправда! Откуда ты знаешь?

Женщина. Сядь, выпей чашечку кофе. Оно успокаивает.

Надя. Но он еще не уплыл. Судно на рейде. Я верну его! (Бросается к двери.)

Женщина. Стой. Ты уже ничего не можешь сделать. Он не вернется.

Надя (устало опускается на стул). Ты права. С ним очень трудно.

Женщина. С ними со всеми трудно. Уж такие они у нас... были.

Надя. «Были».. Я ненавижу это слово!

Женщина. Мы все его ненавидим.

Надя. То, что вы все здесь,— это чудо?

Женщина. Дети и женщины всегда живут в ожидании чуда.

Иногда оно сбывается. Прости, что оно не такое веселое, как тебе бы хотелось.

Надя. Да, я ждала чуда. Я ждала, что он останется со мной.

Женщина. Таких чудес не бывает. Мы все это знаем по себе.

Надя. Кто ты?

Женщина. Я — жена звездолетчика из двадцать первого века.
Мой муж ушел сегодня на звездолете «Егор Седой» к дальнему краю галактики.

Надя. Он умер?

Женщина. Нет. Он будет летать долго, очень долго. Когда он вернется, меня уже не будет. Там время идет иначе, чем здесь. Мы никогда с ним больше не встретимся. Я тоже вдова.

Надя. Я думала, что вижу в зеркале себя, что это я так изменилась.

Женщина. Я тоже. Я подошла к зеркалу и подумала, что это я так изменилась.

Надя (усмехается). Волшебное зеркало!

Женщина. Что же тут волшебного? Ты — это я полтораста лет тому позад. Разве я случайно тебя увидела? Ведь мой муж ушел на звездолете «Егор Седой»! Прошлое и будущее встречаются, они не могут друг без друга. Будущее живет в мечтах, прошлое — в памяти. Почему же они не могут встретиться? Когда я подходила к зеркалу, я вспомнила жену Егора Седого. Я подумала: а как было тебе, когда ты провожала?

Надя. Я не поехала на корабль, я не могу!

Женщина. Я тоже не поехала на космодром.

Надя. Зачем они это делают?!

Женщина. Ваш мир еще болен. Болен тщеславием, равподушiem, завистью. Он болен великой болезнью мещанства. Такие, как твой муж, его лечат. Его смерть поразит многих. Они подумают: «А вот нашелся один такой!» Тот, кто так подумает, пугливо истребит в себе мещанина. Он сделает первый шаг, чтобы стать человеком. Это очень важный шаг.

Надя. А твой?

Женщина. Мой?.. Мой первым ушел в такой долгий рейс. (Усмехается.) У нас была уродливая семья: мы никогда не скорились, ни в чем не подозревали друг друга. Просто нам всегда было интересно друг друга открывать.

Надя. А он взял и ушел!

Женщина. Да. Взял и ушел. Наверное, он положит к моему памятнику цветы с новой планеты. Тогда многие спросят: а смогли бы они так?.. И даже если ответят сами себе — не

смогли бы, все равно мой муж принесет людям великий дар — недовольство собой. А это еще один шаг к тому, чтобы стать человеком. Потому что, когда человек доволен собой, он уже не человек. Это всегда будет подстерегать людей.

Надя (кивает на вдов). И у них такое же?

Женщина (вздыхает). Были войны. Была революция. Была трудная человеческая работа, когда герои вырывали у земли ее тайны. При этом они часто гибли. Но из их мертвых рук люди брали новые знания и понимали смысл жизни. Были казненные по наветам. В твоё время чаще казнили не грабителей, а тех, кто смеет мыслить иначе, чем велено. Но они приняли смерть с таким достоинством, что люди узнали в палачах своих подлецов. А узнав их, испытали чувство великого стыда. Так люди сделали еще один шаг к тому, чтобы стать людьми. Вот видишь — наши мужья заставляют людей сделать шаг вперед. Шаг за шагом — и мир другой.

Надя. И ты можешь обо всем этом так вот, спокойно?..

Женщина. А ты никогда не замечала, что вдовы спокойнее всех на свете? О чём беспокоиться? Все кончилось. Он взял с собой мое волнение, слезы, смех. Все там. У меня ничего не осталось.

Надя. И у меня.

Женщина. В этом вдовы всегда будут похожи друг на друга. Поэтому мы и встретились.

Где-то духовой оркестр начинает играть вальс «На сопках Маньчжурии». Женщина прислушивается.

Надя. Последний катер к «Святому Николаю». Провожающие и духовой оркестр городской пожарной команды.

Вдова звездолетчика кладет руку на плечо Нади. Они начинают кружиться в вальсе. Вдовы тоже начинают кружиться в вальсе. Звучит духовой оркестр. Темнота. Скланки бьют пять раз.

Полярная ночь. Сполохи северного сияния. Седой тяжело идет, волоча на лыжке парту. Останавливается. Делает шаг — останавливается. Еще шаг.

Седой. Шумел, хвастался... (Со злостью.) Иди!.. (Еще шаг.)

Тяжелый аккорд музыки, и перед Седым возникает ледяной барьер: через всю сцену — от кулисы к кулисе — протянулся неестественно длинный ледяной стол. Он опирается на множество ледяных ножек. Над столом ледяными глыбами висели вицмундиры и фраки.

(Останавливается.) А!.. Это вы, господа!.. Но я подавал не личное прощание... Вы отказали не мне, вы отказали России!.. (Падает.)

Мундиры и фраки теряют четкие очертания и превращаются в чуть-чуть мерцающие ледяные горосы. Льды обступили Седого со всех сторон. Он с трудом садится, сидит, опустив голову и привалась спиной к парте. Из-за гороса выходит ледяное безмолвие в образе Нади. Присаживается на парту за спиной Седого.

Безмолвие. Я — ледяное безмолвие.

Седой (усмехается). Безмолвие, а разговариваешь.

Безмолвие. А что! Раз ты безмолвие — значит, и слова не скажи?! По существу, я ужасная болтушка, только здесь не с кем разговаривать: медведи рычат, песцы лают. Мне с ними так неинтересно! И я молчу. Но когда здесь прозвучал твой голос, я узнала, что могу быть эхом. Я узнала, что я — женщина и что женщины очень приятно быть эхом сильного человека. Но скоро ты перестанешь разговаривать. Поэтому, пожалуйста, пожалей меня, если тебе не очень трудно.

Седой. Мне тебя очень жаль.

Безмолвие. До сих пор я просто молчала. Я даже не замыкалась в себе. Мне просто не с кем и не о чем было разговаривать. Но ты меня научил молчать по-другому. Когда тебе становилось здесь особенно тяжело, ты замолкал. Мне тоже становилось очень тяжело. Я ходила на цыпочках вокруг тебя, старалась, чтоб ни один торос не скрипнул, и молчала твоим молчанием. Видишь, я была твоим эхом, даже когда ты молчал. Но скоро ты перестанешь молчать, как молчат живые люди. Поэтому пожалей меня еще раз.

Седой. Еще раз: мне тебя очень жаль.

Безмолвие. Спасибо. Я пойду. (Продолжает сидеть.)

Седой (тихо). Надя?..

Безмолвие. Да, милый?

Седой. Ты умела молчать, когда мне было трудно. Я этого не ценил.

Безмолвие. Это ничего, я прожила не зря. (Встает, скрывается за торосом.)

Рядом с Седым начинает разгораться огонек. И вот он уже пляшет за каминной решеткой. Перед камином, закутавшись в плед, сидит Суворин. Не глядя, он протягивает в сторону Седого лицечек с сигарами.

Суворин. Сигару?

Седой, не глядя в его сторону, отрицательно качает головой.

Зря! Иные курят сигару, как папироску: затягиваясь. А сигару надо курить попыхивая. Так, чтобы жаром от горящего конца чуть-чуть стягивало ноздри...

Седой. Зачем вы здесь? Мне некогда, я умираю.

Суворин. Я пишу о вас. И вот позволил себе фантазию: представить ваши последние минуты. У меня все будет торжественней: буран... устремленная вперед одиночная фигура... вы падаете, когда цель уже близка.

Седой. Это неправда. До полюса тысяча с лишним верст.

Суворин. Теперь правдой будет то, что я о вас напишу.

Седой. У вас семь правд на одну неделю!

Суворин (усмехается). И ни за одну из них нельзя положить жизнь. Не так ли?..

Седой молчит.

Но я действительно предпочитаю держать свою жизнь при себе. Прогресс не Молох: его не обязательно подкармливать человеческими жертвами.

Седой. Вы и прогресс предпочитаете держать при себе. Как собачонку, которую всегда можно схватить за загривок.

Суворин. Дорогой мой! Прогресс имеет одну пренеприятную тенденцию: незаметно переходить в подрыв устоев. Его действительно надо вовремя схватить за шиворот.

Огонек гаснет. **Седой один.** Перед ним возникает **Дон Кихот**. Он словно отделяется от глыбы льда: и щит, и латы, и шлем, и копье — все серебристо-ледяного цвета.

Дон Кихот. Я знаю, ты вспоминаешь бой с ветряными мельницами. Ты думаешь, что мог бы поступить иначе. Ты не мог поступить иначе: ты — Дон Кихот.

Седой (не без иронии). Рыцарь Печального Образа!

Дон Кихот. Не говори так!

Седой. Да уж куда печальнее!

Дон Кихот. Не иронизируй. Ты знаешь наш девиз: без страха и упрека!

Седой. А если мне страшно и есть в чем себя упрекнуть?

Дон Кихот. В чем? В том, что ты не справился с мельницами?

Но ты с ними обращался, как с людьми, а они только притворяются людьми. Они мельницы. Они сделаны из крепкого дерева и внутри совершенно пустые. Поэтому им чужды и доброта и злоба. Они бездушны. Единственное, что они знают твердо, — это откуда ветер дует. Они всегда машут крыльями по ветру. Скольким людям я давал свое копье, и они всегда ломали его о ветряные мельницы!

Седой. Мы всё знаем про ветряные мельницы, но продолжаем кидаться на них. И они нас убивают.

Дон Кихот (вздохнув). Ты просто плохо пользовался щитом.

Седой (усмехнувшись). Ты просто забыл мне его дать.

Дон Кихот (явно меняя тему). А ты помнишь цирк?

Седой (оживившись, по-детски). Да-да! Заезжий цирк в Таганроге!

Дон Кихот. Это твое последнее воспоминание. Пусть оно будет ярким!

Из-за горосов выходят четыре ярко раскрашенных клоуна с грустными лицами. Они поднимают плоские, вырезанные из картона и грубо выкрашенные серебром длинные трубы. По трубы начинают играть по-настоящему. Звучит веселый цирковой галоп. И под сполохами северного сияния появляется серебряный клоун. Балансируя шестом, он идет по канату.

Седой. Это было утреннее благотворительное представление для детей рыбаков.

Дон Кихот. И клоун работал бесплатно. Пелеле, паяц, он шел по канату, балансируя моим копьем.

Седой. Разве это было твое копье?

Дон Кихот. Конечно! Типичный Дон Кихот! Он отказался от щита: работал без лонжи и без защитной сетки. И бесплатно. Даром! Поэтому у него в руках было мое копье.

Седой. Но копье так не держат!

Дон Кихот. Какая разница, как держать копье? Главное, чтобы оно поражало.

Седой. Да! Оно поразило мое воображение. Мне снился этот храбрый клоун. Мне он и сейчас снится?

Дон Кихот. Это идет по канату твоя жизнь, Егор Седой. Она дает бесплатное представление и каждую секунду рискует сорваться, потому что работает без страховки. Ты типичный Дон Кихот: если будешь и был щит, ты бы от него отказался.

Седой. Значит, я паяц, клоун?

Дон Кихот. Да. Ветряные мельницы раскроют рты. Они будут кричать, что ты клоун. Что все, что ты сделал,— не серьезно. Что они, мельницы, подбросили тебя слишком высоко и у тебя закружила голова от этого высокого положения. Что ты хвастливый болтушка...

Седой. Хватит!

Дон Кихот. Что ты поскользнулся на льду и упал... И вокруг будут хохотать. Это очень смешно, когда человек падает. Сбегается толпа и хохочет. Но когда человек падает и не встает, толпа воровато разбегается. На всякий случай, чтобы не быть в ответе.

Седой. Бесплатное представление! Значит, все — даром?

Дон Кихот. Твоя жизнь будет сниться мальчишкам. Я знаю, детские сны проходят. Но кто-то из мальчишек будет видеть этот сон долго. Очень долго. И однажды он проснется — мужчина с шалыми мальчишечими глазами, и я вручу ему копье.

Седой (слабея). И он тоже кинется на мельницы?

Дон Кихот. Да. Их надо победить. Они стоят на месте, машут крыльями и думают, что летят. Поэтому они считают себя выше всех на свете. Но на самом деле они просто загораживают дорогу. Их надо победить!

Седой. Я плохо вижу серебряного клоуна.

Дон Кихот. Сейчас он сорвется. Он знает, что это его последние шаги. Но он идет. Поэтому музыка весела, а музыканты грустны.

Седой. Да. Все закончилось неудачей.

Дон Кихот. Твоя неудача приблизила к людям недостижимое. Когда-нибудь, когда люди достигнут всего, мы им покажемся старомодными чудаками. Но сегодня твоя жизнь будет сниться мальчишкам. И одному из них я вручу копье. Сегодня еще очень важно, чтобы мое копье не падало.

Седой. Не забудь дать ему щит!

Дон Кихот (ворчливо). Я всегда об этом забываю! Да и вы хороши, не можете напомнить. Дошкихоты несчастные!

Музыка становится особенно веселой и бравурной. Серебряный клоун срывается с каната и исчезает. Клоуны-

музыканты, обойдя вокруг неподвижно лежащего Седого, уходят за горосы. Веселая музыка звучит удалаясь. Дон Кихот склоняет над Седым копье.

Дон Кихот умер! (*Поднимает копье.*) Да здравствует Дон Кихот!

Занавес

1965 г.